

К утру действие яда ослабло. Путникам очень повезло — пауки стремились не убить, а лишь обездвижить их. Яд оставил на память о себе лишь головную боль и слабость, но свежий воздух и покой быстро возвращали им силы.

Сначала Зара смогла шевелить только пальцами, потом губами, потом ощутила боль от многочисленных ран и ушибов, затем ожили руки и ноги, и она с трудом встала. К счастью, плоть вампириши обладала способностью быстро исцеляться — да и кровь врагов, которую она выпила в Мурбруке, поддерживала ее. Будь Зара сейчас голодна, ее выздоровление могло бы затянуться. Теперь же, когда опасности были позади, она испытывала прилив энергии и даже что-то вроде эйфории.

И все же испытания этой ночи оказались нешуточными даже для нее. Зара признавала, что уцелела лишь чудом.

А ее спаситель по-прежнему лежал на еще не остывшей золе и внимательно следил за каждым движением Зары. Шатаясь, она подошла к нему, положила руку на его голову и прошептала:

— Хороший, хороший мальчик!

Это было странное чувство — давно уже она не прикасалась к живому существу, чтобы приласкать его. Эта мысль заставила Зару покраснеть и поспешно отдернуть руку. Тор приветливо улыбнулся ей, обнажая белые клыки.

Для Джэйл эта ночь тоже выдалась весьма нелегкой. Особенно тяжело ей было сознавать, что она, Защитница Света, потерпела поражение и была вынуждена просить помощи у вампира. Конечно, Зара не была обычным кровососом, лишенным разума и совести, — уж кому, как не Джэйл, знать это! И все же серафима не привыкла думать о вампирше как о союзнице. Она готова была простить ей прегрешения и покровительствовать бедной заблудшей душе, но принять покровительство самой оказалось куда труднее. Джэйл была смущена, подавлена, в душе ее царил сумбур, и она старалась не встречаться взглядом с Зарой. Едва серафима обрела способность двигаться, она гут же принялась освобождать Фалька из паучьего кокона. Заметив ее усилия, Зара молча протянула серафиме ее меч, затем пошла искать свои клинки и очищать их от паучьей слизи.

Вернув мечи в ножны, Зара подошла к останкам гигантской паучихи и остановилась, глядя на поверженного врага. Ночью она внушала страх, сейчас же вызвала только омерзение. Схватив паучиху за ноги, Зара откинула падаль подальше, раздула угли и подбросила хвороста в костер. Тор отошел в сторону и устроился у скалы, по-прежнему не спуская глаз с вампириши.

Джэйл освободила глаза и нос Фалька от паутины и решила передохнуть — руки еще плохо слушались ее.

— Даже не знаю, как быть, — сказала она задумчиво. — Может, оставим его в таком виде? Так от него будет меньше беспокойства.

— Я фсе флыфу, — прохрипел Фальк.

— Ага, опять выжил, — поворчала Зара, все еще возившаяся с костром.

Серафима кивнула. Через несколько минут Фальк был освобожден. Первым делом он потянулся к сумке, достал фляжку и стал жадно пить воду.

Потом он увидел мертвую паучиху и едва не выронил фляжку.

— О небеса! Я слышал, как тут топотал кто-то огромный, но даже представить себе не мог... Проклятие, что это за гадина?!

— Скорее всего — одна из тварей, созданных черными магами из Штерненталя, — пояснила Джэйл, радуясь, что, разговаривая с неугомонным юношей, хоть немного оттянет неизбежное объяснение с Зарой.

Фальк нахмурился:

— Я полагал, в Штернентале колдовство под запретом. Мне не хотелось бы думать, что, когда мы придем туда, нас встретит лавина огня, камнепад или стая драконов. Скажи мне, что я прав и что нам не придется спасаться от разгневанных колдунов.

— Формально это так, — согласилась серафима. — Изучение, обучение и практика колдовства строжайше запрещены по всей Анкарии. И нарушителя ждет тяжкая кара. И все же... — Она стала разнзывать мешок с провизией. — Слухи о том, что анклав магов в Штернентале возобновил свои эксперименты, ходят уже не одно столетие. Здесь нечему удивляться — соблазн слишком велик. Кто, обладая такой силой, не попытается пустить ее в ход, хотя бы из интереса или ради шутки? К счастью для нас, большинство существ, появляющихся во время таких экспериментов, — просто уродливые и ни па что не пригодные игрушки. Нужно быть величайшим магом, чтобы создать что-то действительно жизнеспособное. — Она достала из мешка хлеб и сыр, отрезала по большому ломтю, протянула оставшееся Заре, сидевшей по другую сторону костра, и продолжила рассказ: — Так что здесь само мироздание на нашей стороне. В последний раз инквизиция побывала в Штернентале полвека назад. Поводом для их визита как раз и послужили подобные слухи. Они тщательнейшим образом обыскали весь Штерненталь, но не нашли ничего подозрительного. Никаких следов запрещенных экспериментов, никаких сотворенных существ. Тогда было решено, что слухи — это только слухи.

— А сегодня эти «слухи» чуть нас не прикончили, — проворчал Фальк.

— Ну, все закончилось хорошо, — улыбнулась Джэйл.

— Да, благодаря Заре, — заметил Фальк. — И это уже не в первый раз.

Он снова бросил боязливый взгляд на мертвую паучиху, потом взглянул на двух воительниц и лежащего поодаль Тора.

Склонив голову перед Зарой, Фальк сказал:

— Ты снова спасла мне жизнь. Спасибо.

— Я тоже благодарю тебя, — произнесла Джэйл.

Было видно, что эти слова дались ей нелегко.

— Благодарите Тора, без него нас всех уже не было бы в живых, — возразила Зара и, отрезав изрядный кусок ветчины, бросила его своему любимцу.

Тор поймал угощение на лету, даже не поднявшись с места.

— Да, это так. — Джэйл, радуясь, что самое трудное уже позади, улыбнулась Тору, и тот наострил уши, как будто знал, что речь идет о нем. — Он действительно хороший зверь. Очень храбрый. Хорошо, что он с нами. И все же, Зара, сегодня ты сражалась за меня...

— За нас, — поправил Фальк.

— За нас, — согласилась Джэйл. — И я благодарю тебя.

— Я тоже, — добавил Фальк.

Зара прожевала кусок ветчины и, насмешливо глядя на своих спутников, сказала:

— Может быть, кто-то этого и не заметил, но я сражалась за себя. Не за вас, не за древних богов, не за что-то еще, а за собственную жизнь.

Джэйл посмотрела на нее задумчиво, а потом снова улыбнулась:

— Ну что ж, это нас вполне устроило.

— И еще как! — согласился Фальк.

Зара пошевелила дрова в костре и глянула на небо. Тяжелые серые облака закрывали солнце. Они были полны снега. Зара буквально слышала, как там, на невероятной высоте, шуршат и поскрипывают миллионы снежинок, готовясь к падению. Скоро белое покрывало укроет

Гиблую топь. Но они этого уже не увидят — им нужно двигаться дальше. То, что произошло ночью, осталось в прошлом, пора думать о новой дороге и новых опасностях. Зара посмотрела на юг. Сейчас, при свете дня, можно было разглядеть вдали старый, рассеченный множеством ущелий горный кряж.

Фальк проследил за взглядом Зары.

— Нам надо будет лезть туда?

Зара кивнула:

— Да. За этими горами и лежит Штерненталь.

Фальк передернул плечами.

— Выглядит не слишком привлекательно. А вы уверены, что мы сумеем...

— Это мы скоро узнаем, — ответила Зара невозмутимо и принялась собирать пожитки. — Надо спешить, — бросила она через плечо. — Мы и так потеряли уйму времени.

— И никто не знает, что ждет нас там, — добавила Джэйл.

Фальк никогда не думал, что так обрадуется, оказавшись снова в седле. Он сидит на лошади — а значит, смог на нее забраться, а значит, жив. С другой стороны, подобная жизнь — это скорее наказание, чем награда. Он чувствовал себя как наутро после жуткой пьянки. Губы пересохли, во рту стоял отвратительный запах, мышцы, затекшие от долгих часов лежания в коконе, напоминали о себе при каждом шаге лошади. Чтобы хоть немного отвлечься, Фальк рассматривал окружающий ландшафт. Однако и то, что он видел, не слишком его радовало.

Чем дальше они продвигались на юг, тем более унылым становился пейзаж. Вокруг по-прежнему расстилалось болото. То здесь, то там лопались пузыри болотного газа, распространяя вонь, подобную отрыжке орка. Горы на горизонте казались просто миражом, тем более что их все сильнее застилали облака и затягивала болотная дымка. Фальк был уверен, что без помощи Джэйл он бы в два счета здесь заблудился. Кроме того, его тревожила мысль о запасах провизии — они неуклонно сокращались. Остатки сыра и солонины были съедены сегодня утром. У путешественников остался лишь хлеб и немного ветчины, да и того должно было хватить только на пару дней. Потом им придется самим добывать себе пропитание.

Около полудня они наткнулись на заросшие мхом руины. Похоже, некогда это был один из храмов Единого Бога. Странно было видеть его здесь, в такой глуши.

Лишь однажды за весь день они видели живое существо — на одной из болотных кочек сидел,

наострив уши, заяц. При виде его Тор напрягся и хотел соскочить с тропинки. Но Зара предостерегающе свистнула, и волк, печально взглянув на зайца, покорно затрусил по тропе за конем Зары. Казалось, эти двое путешествуют вместе уже целую вечность. Фальк тоже проводил зайца печальным взглядом. Он не отказался бы от свежатины. Но юноша понимал, что охота здесь слишком опасна. Да и к тому же он был обеими руками за то, чтобы не терять ни минуты, — ему меньше всего хотелось провести еще одну ночь на болоте. Он почему-то был уверен, что гигантская паучиха — отнюдь не единственная местная достопримечательность.

«А ведь когда-то здесь все было по-иному, — размышлял Фальк. — Ведь построил же кто-то здесь храм. Почему же сейчас гут так дико и безлюдно? Не потому ли, Что маги из Штерненталя оказались слишком неудобными соседями, и даже горная гряда не смогла защитить простых людей от них?» Чем ближе они подходили к предгорью, тем чаще им попадались скелеты животных. Фальк не мог отделаться от мысли, что видит перед собой остатки паучих трапез.

Пару раз они видели что-то вроде сброшенной змеиной шкуры, но таких огромных размеров, что Фальку не захотелось представлять себе змею, сбросившую подобное облачение. Еще неприятнее была мысль, что он видит перед собой новые результаты экспериментов черных магов Штерненталя и что эти результаты сейчас ползают где-то неподалеку в поисках обеда. Такая мысль лишила юношу аппетита, и он даже заикаться не стал о том, чтобы сделать привал и перекусить. Нет, вперед, и только вперед!

По словам Джэйл, вскоре топь должна закончиться, и тогда предстоит самая трудная часть путешествия — преодоление горной гряды. Однако Фальк, по всем вышеописанным причинам, ожидал ее с нетерпением.

От границы болот горы тянулись на юг, казалось, до самого края света. Вершины их были покрыты снегом и тонули в пелене облаков. Отсюда горы казались недоступными. Фальк почувствовал себя очень маленьким и беспомощным. Он понял, что даже если им удастся выбраться из болот, опасности на этом отнюдь не закончатся. А он уже явно не был таким бесстрашным любителем приключений, как три дня назад. В поисках хоть какой-то поддержки Фальк снова вытащил из-за пазухи платок Элы и вдохнул уже такие знакомые и родные запахи роз и кедра. И в самом деле настроение у него сразу улучшилось — как будто где-то вдаль, на горизонте, среди темных облаков забрезжил луч света.

Не надо сдаваться раньше боя. Если Зара и Джэйл правы и в Штернентале готовится что-то скверное, то их долг — защитить Анкарию. Защитить жителей королевства, защитить обитателей Мурбрука, защитить Элу. Скорее всего, Джэйл знает больше, чем хочет показать. Она делает вид, что ей известно не больше, чем вампирше и Фальку, но серафима — не слишком искусная лгунья. Фальк был убежден, что она что-то скрывает.

Из-за событий этой ночи они слишком поздно тронулись в путь, и теперь темнота буквально наступала им на пятки. Вскоре Фальк уже не мог разглядеть пальцы на своей вытянутой руке. Как ни хотелось ему поскорее покинуть болота, он вынужден был признать, что передвигаться в такой тьме еще опаснее, чем ждать рассвета. Однако едва он начал озираться, высматривая сухое место для ночлега, Зара цыкнула на него: «Мы не должны останавливаться!»

Джэйл лишь молча кивнула. Обе — и вампирша, и серафима — видели в темноте несколько не хуже, чем днем. Фальк же оставался человеком — он предпочел бы погреться у костра, а не блуждать в холодной ночи. Но, как это уже не раз бывало, он покорился судьбе, надеясь лишь на то, что его лошадь не собьется с дороги. И долго еще он трясся в седле, постанывая и не спуская глаз с белого хвоста идущей впереди лошади.

Было уже далеко за полночь, когда они наконец остановились. Над Гиблой топью по-прежнему висел мерцающий туман. Луна пряталась в облаках, и лишь изредка ее рассеянный свет достигал земли, и тогда болотные травы светились странным белесоватым сиянием. Они расседлали лошадей, разложили на земле одеяла и развели небольшой костерок. Никому не хотелось говорить, но мысли всех троих явно вертелись вокруг одного: что их ждет в Штернентале? События в Мурбруке были слишком загадочны, слишком зловещи. Как удалось выяснить Джэйл и Заре (и это едва не стоило им жизни), за убийствами девушек стоял священник по имени Сальери. Но сам по себе он был слишком незначительной фигурой. Чью волю он исполнял? Кому и для чего понадобились сердца двенадцати девственниц?

Наконец Фальк заснул. Ему снилось, что он блуждает в бесконечном лабиринте узких туннелей, преследуемый странной фигурой в пурпурной рясе с алым капюшоном. Он не знал толком, человек ли это, но от фигуры исходили волны зла, словно жар от печи. Фальк не знал, кто это и что ему надо, но инстинктивно чувствовал, что от этого существа лучше держаться подальше. Поэтому он убегал все дальше и глубже, незаметно для себя самого все больше запутываясь в сети туннелей. Но, как быстро он ни двигался, стоило ему обернуться, он видел, что некто в красном маячит в конце коридора. Как ни напрягал Фальк силы, ему не удавалось оторваться от преследователя.

И вот он уже чувствует ледяное дыхание у себя на спине, на его плечо ложится узкая ладонь с длинными, как паучьи лапки, пальцами, а в ушах раздается свистящий шепот: «Мы, кажется, знакомы, друг мой... Мы определенно знаем друг друга...» И больше нет сил бежать и нет сил обернуться и посмотреть врагу в лицо...

Фальк очнулся в холодном поту и огляделся. Вокруг было тихо, лишь над топью по-прежнему двигались светящиеся полупрозрачные фигуры. Зара и Джэйл крепко спали, и только Тор, лежавший у ног вампириши, поднял голову и с любопытством глянул на Фалька.

Фальк провел ладонями по лицу, словно хотел стряхнуть кошмар. Но сердце колотилось как сумасшедшее, а в ушах все еще звучали странные слова: «Мы, кажется, знакомы, друг мой... Мы определенно знаем друг друга...»

Прежде такого никогда не случалось. Сон всегда был его верным другом и утешителем; как бы плохо ни прошел день, утром Фальк всегда поднимался полным сил и оптимизма. Сон уносил все заботы и печали. Теперь же одна мысль о том, чтобы закрыть глаза, вызывала страх. Фальк чувствовал себя одиноким и беззащитным. Ни за что на свете он не стал бы жаловаться Джэйл или Заре, и все же боялся, что сам не сможет справиться с этим кошмаром — слишком реальным и грозным он казался.

Только под утро Фальку снова удалось заснуть.

Лишь к следующему вечеру путники впервые почувствовали под ногами не зыбкую хлябь болота, а твердую почву.

Фальк долго стоял, задрав голову и пытаясь угадать их дальнейший путь. Горный кряж был высотой добрых три километра, и наверх вела крутая и обрывистая тропа, подходящая скорее для горного козла, чем для человека на лошади.

— Во имя всех богов! — простонал Фальк. — Неужели тут нам и надо подниматься?

Джэйл кивнула:

— Да. Это единственный путь в Штерненталь.

— Очень мило! — воскликнул Фальк в сердцах.

Он вновь задрал голову, в надежде, что на второй взгляд все окажется не таким страшным. Увы, все выглядело еще страшнее. Горный козел или снежный барс, возможно, и справились бы с подобной тропой, только не он, простой смертный, привыкший к мощенным брусчаткой мостовым. Уже не в первый раз Фальк спрашивал себя, зачем он ввязался в это дело, — трудности явно превышали его силы. Однако пути назад не было. Он не мог вернуться в Мурбрук, это было бы предательством по отношению к спутницам, а главное, предательством по отношению к Эле, которая нуждалась в защите. И Фальк собрал остатки мужества, готовый следовать за Зарой и Джэйл.

Они начали восхождение на рассвете. Поначалу подъем оказался не таким уж трудным. Фальк прибодрился и решил, что у страха глаза велики. Но чем выше они забирались, тем более крутой становилась тропа. Наконец она превратилась в узкий карниз шириной не более полуметра. Здесь нельзя было повернуть, опасно было остановиться, был лишь один путь — вперед.

Ведя лошадей в поводу, они поднимались все выше и выше. Первым трусил невозмутимый Тор, за ним шла Зара, следом Фальк, а Джэйл замыкала караван. В лицо путникам бил холодный ветер, и Фальку то и дело приходилось вытирать глаза. А это означало, что нужно на мгновение оторвать руку от отвесной каменной стены и тем самым лишить себя единственной, пусть даже иллюзорной, опоры, нарушая и без того весьма хрупкое равновесие.

Чем выше они поднимались, тем холоднее становилось. Вскоре Фальку уже казалось, что кровь замерзает у него в жилах, а пальцы одеревенели и потеряли чувствительность. Теперь он уже не пытался вытирать слезы — было не до них. Даже Джэйл поплотнее запахнула плащ. На густой взъерошенной шерсти Тора позвякивали крохотные льдинки. Только Заре ветер был нипочем. Она откинула капюшон и позволила ему играть своими длинными черными волосами.

Они шли молча — слишком много сил отнимал подъем. Тропа была усыпана камнями — достаточно было одного неверного шага, и неудачника ждал полет с высоты более тысячи

метров. Лошадям тоже было страшно, они дрожали всем телом, и это добавляло страху самому Фальку: что они будут делать, если одна из лошадей встанет на дыбы прямо тут, на тропе?

Очень медленно, шаг за шагом, маленький караван поднимался все выше и выше. Однако бог погоды и судьба, видимо, сочли, что путешественникам слишком уж сопутствует удача. К полудню над горами начал сгущаться туман, а затем повалил густой снег.

Теперь путники могли видеть лишь то, что было у них перед самым носом, слышать только вой ветра, хлопанье мокрой одежды да испуганное всхрапывание лошадей. Они даже не могли определить, как далеко продвинулись. Ветер между тем крепчал, снег залетал под капюшон, и Фальк думал, что хуже уж и не может быть. Однако вскоре удостоверился, что бывает и хуже, много хуже.

Ночь они провели в узкой расселине глубиной не более двух-трех метров. Сначала они попытались уснуть без огня, про сто завернувшись в одеяла, но ничего не получалось — было слишком холодно. Потом Зара предложила собрать лошадиный навоз и поджечь его, ибо никакого иного топлива здесь не было. Вскоре неожиданно для себя Фальк понял, что запах горящего навоза бесконечно нравится ему.

Что касается ужина, то Джэйл достала из мешка последний кусок ветчины и, взглянув на Тора, аккуратно разделила его на четыре части. Никто не возражал — Тор стал полноправным членом отряда.

Волк мигом проглотил угощение и облизнулся, не спуская с Зары янтарно-золотых глаз. На его морде было написано: «Ладно, закуска ничего, но где сам обед?» По расчетам Джэйл путь через горы должен был занять еще не менее трех дней, и дальше идти предстояло голодными — вряд ли здесь представится возможность поохотиться. Хорошо хоть в питье они не испытывали недостатка — вокруг было сколько угодно снега и льда.

Второй и третий день мало отличались от первого. Желудок Фалька так громко протестовал, что Тор то и дело ставил уши торчком. Вечером, еще засветло, они разбили лагерь на крохотной площадке. Повсюду лежали сугробы снега, но в этом месте ветер расчистил небольшой участок скальной породы, так что здесь можно было развести такой же, как накануне, костер. Фальк почувствовал, что благодарен богам и за эту малость.

Он лежал, пытаясь согреть дыханием пальцы, и внимательно изучал оказавшийся прямо перед глазами камень, на поверхности которого был воспроизведен в миниатюре местный ландшафт: те же ущелья, вершины, тропы. Смотреть по сторонам Фальку не хотелось. Из всех сил он пытался забыть голод, однако все яснее понимал, что это путешествие ему явно не по плечу. Он дошел уже до предела сил — и физических, и моральных.

Он хотел стать героем, таким, как Зара или Джэйл. Он хотел исполнить свой долг, не зная страха и сомнений. Он хотел, чтобы люди с благодарностью повторяли его имя. Он хотел, чтобы Эла им гордилась. Он хотел забыть о прежней жизни лгуна и шулера и стать другим.

Но как бы ни хотела ворона стать орлом, ей суждено остаться вороной. Фальк окончательно убедился, что ввязался не в свое дело. Ему нечего здесь делать, он ничем не может помочь своим спутницам-воительницам. Даже наоборот — он лишний груз, балласт, который лишь замедляет их движение. Надо бы набраться мужества и оставить Зару и Джэйл при первой же возможности. Так было бы лучше для всех. Но, увы, уже поздно. От одной мысли, что нужно будет в одиночку спуститься по горному склону и одолеть Гиблую топь, у Фалька затряслись поджилки. Нет, надо потерпеть, совсем немного. Может быть, один день, не больше. А потом он никогда не станет ввязываться ни в какие авантюры. Все, решено. Довольный своим решением, Фальк задремал.

А на следующий день горы попытались взять свою дань.

С утра жеребец Зары проснулся в дурном настроении. Он едва позволил себя оседлать, а когда маленький караван двинулся в путь, то и дело пытался лягнуть других лошадей, постоянно тянул свою хозяйку к самому краю тропы. Казалось, что-то его беспокоит. Зара, по-прежнему возглавлявшая караван, как могла успокаивала его. Фальк шел следом за капризной животинкой и сосредоточил внимание на том, чтобы держаться подальше от его копыт. К счастью, его лошадь не выкидывала никаких фортелей и покорно трусила следом за Фальком, выражая свои чувства лишь кротким фырканьем. Ветер сегодня немного ослаб, снегопада не было, а потому Фальк надеялся, что, несмотря на фокусы жеребца, они пройдут больше, чем в минувший день.

Внезапно вампирша резко остановилась, обернулась и скомандовала Фальку:

— Назад!

— Назад? — переспросил он изумленно. — Ты хочешь сказать, надо спускаться?

Эта мысль показалась ему особенно абсурдной именно потому, что в последние дни он сам больше всего на свете мечтал повернуть назад. Может быть, Зара прочла его мысли вчера на стоянке и теперь решила, что он недостойн быть их спутником?

— Ну, в самом деле, я... — начал он, но договорить не успел.

В тот же миг, напуганная вторжением незнакомцев, со скалы сорвалась летучая мышь и метнулась прямо в лицо Фальку. Он отпустил поводья и принялся отмахиваться от мыши, которая в ужасе вцепилась ему в волосы.

Это оказалось чертовски больно и к тому же очень-очень страшно. Фальк с перепугу забыл о том, где находится, забыл обо всякой осторожности, заорал, бросился вперед, но тут же споткнулся, упал на тропу и понял, что его левая нога висит над пропастью.

Мышь освободилась и улетела, но Фальку было уже не до нее, он цеплялся руками за камни, пытаясь удержаться. Но тропа была покатой, а камни слишком скользкими — Фальк

почувствовал, как постепенно сползает в пропасть. Он забился в отчаянии, пытаясь отыграть хоть пару сантиметров. Но от этого, разумеется, начал сползать еще быстрее.

— Фальк! Держись! — крикнула Джэйл.

Но ни она, ни Зара не могли подобраться к бедняге — карниз был слишком узок, а между воительницами и Фальком стояли лошади.

И все же Фальку каким-то чудом удалось зацепиться за каменный выступ. Осторожно он повернул голову и увидел прямо над собой морду лошади. Животное в испуге жалось к скале. Поводья качались перед носом Фалька, и он ухватил их одной рукой. В черных глазах лошади плескался ужас. Фальк видел, что достаточно ей дернуться, и с ним все будет кончено. Но одновременно поводья в его руке были единственной ниточкой, связывающей его с жизнью.

— Фальк, не двигайся! — приказала Зара.

Это было легче сказать, чем сделать. Волны смертельного ужаса прокатывались через тело юноши, он чувствовал предательскую слабость и отчаяние и готов был разжать пальцы.

Меж тем Зара осторожно, по самому краю пропасти, обошла своего жеребца, добралась до лошади Фалька и положила ей руку на шею.

— Тихо, моя хорошая, — приговаривала она. — Спокойно... все хорошо... ты хорошая девочка... хорошая...

Свободной рукой она перехватила поводья. Затем вампирша шагнула вперед, схватила за руку Фалька и одним рывком вытянула его на тропу.

Ноги Фалька подкосились, и он присел. Его сердце колотилось как сумасшедшее, из глаз катились слезы. Он долго не мог совладать с дыханием, а когда наконец обрел способность говорить, простонал:

— Это все... я больше не могу... идите без меня...

— Ну успокойся, все худшее позади, я тебя спасла. — Зара похлопала его по плечу.

— Спасла? А для чего? Чтобы я погиб в другой раз?

— Если останешься здесь, то действительно погибнешь, — веско возразила Зара.

— Но я больше не могу, как ты не понимаешь?! — простонал Фальк. — У меня нет больше сил!

Все тело болит, желудок ноет от голода, и... и я просто больше не могу! Не могу больше сделать ни шагу! Это была глупость, страшная глупость... Идите дальше без меня. Оставьте меня. Пусть я умру, но прежде хоть немного отдохну.

Зара внимательно вгляделась в его лицо и нахмурилась:

— Ну же, хватит! Не ной, как девчонка! Ты мужчина или нет?

— Проклятие! — заорал Фальк. — Да, я мужчина, и что с того?! Я мужчина, и я слаб! Я слабее тебя, Зара, потому что я — просто человек. Не вампир, не серафим, не орк, не гном! Я просто человек — и ничего больше! Почему я должен быть чем-то еще? Только потому, что я мужчина, да?

Внезапно лицо Зары смягчилось, а в глазах ее мелькнуло что-то, похожее на сочувствие.

— Ты прав, Фальк, — тихо сказала она. — Ты не должен никому ничего доказывать. Ты и так продержался гораздо дольше, чем я ожидала.

Фальк удивленно поднял брови.

— Я не думала, что ты выдержишься так долго, — призналась Зара. — В Мурбруке я полагала, что ты сдашься на третий день.

— Ты сказала, на второй, — поправила ее Джэйл.

Фальк вдруг почувствовал, что еще немного, и он не сможет удержаться от улыбки. Оказывается, эти две дамочки сделали на него ставки! Ну разве пристало такое великим героиням!

— Ты действительно храбрый парень, — продолжала Зара. — Но если ты останешься здесь, это будет совершенная глупость. Ты же не хочешь, чтобы о тебе вспоминали как о дураке, а не как о храбром парне, правда? Пойдем! Остался всего один день пути.

Она протянула Фальку руку и помогла ему подняться.

Он глубоко вздохнул, отряхнул с одежды пыль и каменную крошку и сказал сердито:

— Ну хорошо. Еще один день — и ни минутой больше! И горе тебе, если ты меня обманула!